Спасибо, что скачали книгу в бесплатной электронной библиотеке http://bykovvasil.ru/ Приятного чтения!

Народные мстители. Василий Владимирович Быков

С поля к деревне вела хорошо утоптанная стежка, которая в конце кукурузной нивы поворачивала к сельской околице. Но этот привычный для сельчан путь теперь показался чересчур длинным, и Иван, по прозвищу Снайпер, чтобы его спрямить, повернул в кукурузу. Тем более, что поблизости никого не было, а кукуруза тут выдалась дохлая, как, впрочем, и всюду в их захудалом колхозе. Кроме разве придорожного участка, о котором особо заботился председатель, да и бригадиры, с явным намерением втереть начальству очки. Ни о ржи, ни о яровых, ни о картошке так не заботились, как о кукурузе, которая, однако, упрямо не хотела родить на здешних клятых подзолах.
О кукурузе заботились, но скотину все же кормили сеном, хотя и сена запасти на зиму было непросто. Прежде всего негде – всю мало-мальски пригодную землю распахали под посевы той же кукурузы, оставались болота да ольховые заросли. С утра Иван Снайпер косил свою пайку в кустах ольшаника, но между кочек и пней не много накосишь, только намахаешься косой до ломоты в плечах. А тут, как назло, у Ивана кончилось курево, едва дотянул до вечера. Когда солнце склонилось к лесу, плюнул на эту чертову пайку и с косой на плече потащился домой. Помнил, в ватнике со вчерашнего дня оставалась начатая пачка «Примы».
Шурша резиновыми сапогами в низкорослой кукурузе, он думал, что захиревшая с весны кукуруза вряд ли оправится к осени, будет скошена на силос. Вообще-то, на этом подзоле не очень росло и в прежние, доколхозные годы. Иван не забыл, как, бывало, ворчал отец, раскидывая по весне навозные кучи: сколько ни удобряй – урожая не будет. Такая земля. Невдалеке, за кукурузной нивой, был их надел, где подростком Иван впервые сжал в ладонях гладкие ручки плуга и провел свой первый загон. Скупой на похвалу отец одобрительно сказал о сыне: мол, будет хозяином, есть на кого оставить землю. Однако хозяина из Ивана не получилось – вышел снайпер, а земля осталась никому не нужной, так же, как и бывший ее хозяин, которого взяли следующей зимой. Вскоре старшему в семье подростку Ивану понадобился не отцовский надел, а дрова, чтобы обогреть хату да сварить картошку для трех всегда голодных братьев, с утра сидевших на остывшей печи. И он с топором в руках шел в окрестные заросли, рубил две-три олешины и волок их по снегу к хате. Ни тогда, ни позже об отце, польском шпионе, старался не думать, и даже не вспоминать, – отца он стыдился. Так продолжалось до тех пор, пока однажды не вызвали его в район и не вручили странную такую бумагу о «реабилитации за отсутствием состава преступления». Спустя еще год он получил в райфо 650 рублей – за смерть отца, которая, как было написано в бумаге, последовала в сорок втором году от паралича сердца. На те деньги Иван-Снайпер купил себе новый ватник и бутылку «Московской» – помянуть отца.

Перейдя околицу, Иван перелез через изгородь и оказался в своем огороде. Прежде чем направиться по картофельной борозде к хлевкам, привычно повел одним глазом по огороду – нет ли где кур? Второго глаза у него не было, вместо выбитого в партизанщину осколком уже после войны в госпитале вставили стеклянный. Но стеклянный Ивану не нравился, и он вставлял его редко, когда собирался в район или к докторам на инвалидскую комиссию, куда его исправно вызывали раз в год. Возле дома обходился своим одним и видел не хуже двуглазых. Вот и теперь сразу приметил на огороде жену Стасю, которая, согнувшись, ковырялась в свекольных грядках. Заметив его, жена выпрямилась, минуту всматривалась, наверно, недоумевая, почему так рано вернулся, когда другие мужики еще усердствовали на пайках.

– Что, скосил?

– Неужто тебе оставил?..

Жена промолчала, уловив его настроение, хотя и не догадывалась о причине неразговорчивости. Он ничего ей объяснять не стал, молча повесил косу на угол и вошел в сени, где на косяке висел его новый ватник. Но в карманах ватника было пусто, и он не сразу сообразил, что два дня назад они докурили эту пачку в Волчьем логу, когда выпивали с Леплевским. По случаю… Иван-Снайпер уже не мог и объяснить, по какому случаю состоялась та пьянка, каких в ту весну случалось у них немало. Помнил лишь, что кроме Леплевского там был еще младший Цыпруков, зять, милиционер из района, потом появился Дубчик, без которого не обходилось ни одно подобное дело. Хорошо погудели тогда, едва добрели до околицы, когда гнали

уже с пасьбы коров.
Неудача с куревом вызвала глухое раздражение. А тут еще, ласково мурлыкая, вертелась у его ног молодая кошечка, Иван со злостью поддал ей сапогом: пусть не лезет к человеку, у которого нечего закурить. Во дворе прислушался: невдалеке раздавался дробный металлический перестук, это трудяга Савченко отбивал на бабке косу. Однако завтра воскресенье, и уж он, Иван, завтра косить не пойдет, разве что в полдень поворошит скошенное. Савченко же, конечно, будет вкалывать и в воскресенье, как и каждый день, таков уж этот жадный до работы человек. что значит – из семьи подкулачников! У него уж точно найдется закурить, подумал Иван-Снайпер и сошел с низкого крыльца. За изгородью в грядках снова распрямилась его дебелая женка.

– Слышал, к Косатому Усов приехал, – негромко сообщила она.

– Усов?

– Ну, Усов. Тот самый…

– К Косатому?

– Ну.

Вот это новость, удивился Иван-Снайпер. В деревне этого Усова не забыли многие, особенно те, кто постарше, вспоминали о нем редко когда добрым словом, больше злым, с болью и проклятием, – так он насолил здесь за несколько предвоенных лет классовой борьбы и чекистских репрессий. После того, как в канун войны незаметно исчез из этих мест, нигде его никто не встречал и даже не слышал о нем, многие его считали погибшим. А он, гляди ты, оказывается, жив-здоров и даже приехал к своему дружку и помощнику Косатому.

– Под вечер Манька Володева видела, как с автобуса через околицу шел, – рассказывала жена. – Огородами, чтоб не узнали. Справный такой, в шляпе.

– В шляпе?..

Взволнованный услышанной новостью, Иван-Снайпер не спеша побрел меченной коровьими лепехами улицей к хате Савченко. Он даже забыл о том, что хочет курить, когда шагнул в раскрытые ворота его усадьбы. Савченко, крупный, широкогрудый мужик с седой чуприной, в белой расстегнутой сорочке, закончив отбивать косу, прилаживал ее к косовищу.

– Слыхал? – спросил его в воротах Иван-Снайпер. – Усов приехал.

Внешне спокойный, будто безразличный к его словам, Савченко поднял косу, попробовал прочность ее крепления к косовищу и отставил к стене сарая.

– Приехал, ага.

– К Косатому?

– К Косатому.

– И что ему надо?

– Видать, что-то надо, – уклончиво отозвался Савченко.

Но, судя по всему, он тоже не знал, с какой целью приехал гость. Хотя, если бы и знал, от Савченко не много услышишь. Иван-Снайпер знал характер соседа и не очень стремился вызвать его на разговор.

– Закурить найдется?

Савченко молча вытащил из тесного кармана штанов помятую пачку «Примы», протянул соседу. Потом и сам взял сигарету.

– Так что же это получается? – закурив, никак не мог чего-то понять Иван. – Или поворот учуяли?

— Может, и учуяли.

Савченко был старше Ивана-Снайпера, неразговорчив и сдержан в чувствах, может, потому, что таким родился, а может, жизнь научила быть молчуном. Возвратясь пять лет назад из ссылки, где он отбыл едва ли не двадцать пять лет, он так и не почувствовал себя ровней с земляками-колхозниками, старался держаться в стороне. Не то что его сосед Иван, который так загеройствовался в войну и особенно после нее, что готов был забыть свою настоящую фамилию Ярошевич, откликаясь исключительно на партизанскую кличку Снайпер. Большой славы в партизанку он не обрел, зато теперь любил поговорить о собственном бесстрашии и обижался, если кто-то сомневался в том.

— Я ему, сволочи, покажу, такую его мать! — выругался Иван-Снайпер и пошел со двора.

На улице, однако, остановился, еще не зная, как реализовать свою угрозу. Потоптавшись возле изгороди, вспомнил, что есть еще человек, с которым следовало бы поделиться новостью про Усова. Это учитель Леплевский, что жил в районе, но вчера приехал на косьбу — помочь одинокой матери. Старая Леплевская жила на краю деревни, у пруда, и Иван-Снайпер решительно двинулся туда.

Всю дорогу его распирало от внезапно вспыхнувшей злости и застарелой обиды. Когда-то этот энкавэдэшник пересажал у них половину деревни, работая на пару с помощником из местных, счетоводом Косатым. Особенно расстаралась эта пара в тридцать седьмом, когда загребла и отца Ивана, и многих других. На Косатого у сельчан злобы уже не осталось, перегорела за то время, пока этот стукач пребывал там же, куда спровадил земляков. Правда, в отличие от многих ему повезло, вернулся, хоть и с нажитым в лагере туберкулезом. Теперь тихо доживал век в большой старой хате вместе со своей старухой. Большое семейство Косатого рассыпалось после войны и жили кто где; никто к нему не наведывался, даже дети отвернулись. Косатый своего греха не скрывал, скупо рассказывал, что на сотрудничество с органами его вынудил тот же Усов, узнав, что за Косатым грешок имелся со времен революции, когда, будучи в армии, он из любопытства раза два посидел на партийных сходках левых эсеров. Эта любознательность дорого обошлась солдату Косатому, а следом за ним и его вовсе не любознательным землякам.

На не отгороженном от улицы дворе старой Леплевской никого не видно было, но возле сеней у стены стояли рядышком две косы с блестящими лезвиями, заметив которые Иван-Снайпер понял, что учитель дома. И еще кто-то, судя по всему, тот, кто помогал ему на косьбе. Неторопливо перейдя заросший лопухами двор, Иван оказался по другую сторону хаты и сразу увидел двух мужиков. Возле глухой стены под старой раскидистой грушей стоял небольшой столик с лавкой, за которым сидели моложавый, хотя и лысоватый учитель Леплевский и его гость, местный колхозник Дубчик. Последний напоминал преждевременно состарившегося подростка с худой шеей и сморщенным личиком. Оба молча уставились на незваного гостя. На застланном газетой столе лежали сорванные с грядки луковицы и стояли два стакана. Бутылку они, конечно, предусмотрительно убрали в траву, что не укрылось от зоркого взгляда одноглазого Снайпера.

— Пьем? — вместо приветствия строго констатировал гость.

— А что — нельзя? — с вызовом ответил Леплевский. В его глазах, однако, мелькнула тень озабоченности — мало ли что? Все же Леплевский недавно вступил в партию, к чему стремился не один год, и потому имел все основания остерегаться. — И тебе можем налить. Дубчик, давай стакан.

Дубчик сидел с полным ртом и не сразу подвинул свой пустой стакан, в который Леплевский бережно отмерил ровно до половины. Потом немного плеснул в свой.

— Вот докосили и решили отметить, — сдержанно пояснил учитель.

Иван-Снайпер молча выпил водку — одним глотком, закусывать не стал, взял со стола пачку болгарских «БТ». Затянувшись, расслабленно опустился на узловатые корни груши.

— Знаете, кто к Косатому приехал?

— А кто? Племянники? У него в Орше племяши живут, — спокойно пояснил хозяин,

тоже закуривая.

— Племяши! Усов, вот кто приехал. Тот самый. Из НКВД. Который твоего брата смылил. И твоих, Дубчик. А то — племяши…

За столом замерли. Леплевский молчал, словно проглотил язык, а Дубчик даже перестал жевать.

— Это что же ему понадобилось? — наконец проговорил учитель.

— Значит, что-то понадобилось. Может, кого-нибудь тогда недобрал?

— И вправду недобрал. Мы же вот остались.

— Мы-то остались и радуемся. А скольких не осталось? У меня отец, у тебя брат. Такой славный мужик был… Грамотный, все учился… И партейный. У него вон, — Иван кивнул на Дубчика, который сидел, откинувшись к бревенчатой стене. — У него, считай, вся семья пропала.

— Батька, — тонким голосом уточнил Дубчик.

— Батьку взяли, а мать померла. Почему померла — не знаешь? Потому, что надорвалась с кучей малых. Ты вот старший, так выжил. А младшие твои где?

— Под крестами…

— Вот-вот, под крестами. С голодухи дошли. Помню, как по деревням попрошайничали…

— Попрошайничали, — уныло подтвердил Дубчик.

— Но ведь реабилитировали, — вставил Леплевский и заученно бодрым тоном продолжал: — Партия допустила ошибки, она их и исправила.

— Что исправила твоя партия? — вспыхнул Иван-Снайпер. — По шестьсот пятьдесят рублей заплатила? За душу человеческую.

— Это компенсация, — уточнил Леплевский.

— Это не компенсация, а — чтобы отделаться от людей.

— Но ты же взял? И он тоже взял, — кивнул Леплевский в сторону пригорюнившегося Дубчика.

— А как не взять? Ты бы не взял?

— Мне не платили. За брата не полагается.

— А я взял. Я на те деньги кухвайку себе купил.

— Ты купил фуфайку, а Дубчик поллитровку.

— Три бутылки, — тихо возразил Дубчик.

— Ну вот, даже три бутылки. И все пропили. В райфо снова вернули. И ты фуфайку пропьешь, — учитель вроде подтрунивал над Иваном-Снайпером, который ерзал на жестких корнях.

По всей видимости, простая логика учителя его обезоружила, и он не сумел возразить. Хотя и очень хотел.

— А что, больше нет? — после непродолжительной паузы спросил он почти спокойно.

— Больше нет. Кончилась, — показал хозяин пустую бутылку. — Разве что у Дубчика…

— Была у собаки хата! — бросил Иван-Снайпер, с усилием поднимаясь. — Пойду к Баранихе схожу.

Обычно при срочной надобности они бежали к бобылке Баранихе, у которой всегда что-нибудь находилось – бутылка самогона или кислого болгарского вина. Вино колхозники не любили, потому что слабое, «плохо брало». Однако пили и вино, хотя в меньших количествах, потому что, как говорили в деревне, вино – не водка, много не выпьешь.

– Так нам подождать или как? – спросил Леплевский.

– Ждите!

Иван скрылся за углом хаты, а двое остались на своих местах. Молча курили, не хотелось разговаривать. Леплевский хотя и не был молчуном от природы, но, оторванный от жизни в деревне, с односельчанами разговаривал редко и мало. Со многими это было ему неинтересно – учитель наперед знал, от кого что услышит. Иное дело за бутылкой, в застолье. Правда, жаль, что нельзя выпивать молча, приходилось высказываться. В общем, и в застолье было небезопасно: среди собутыльников вполне мог оказаться сексот. Сегодня вот молча выпили с Дубчиком, но приволокся этот балабон Снайпер, и Леплевский почувствовал: теперь надолго. Он уже не мог ограничиться одной бутылкой, появилось естественное желание добавить, а главное – встревожила принесенная Снайпером новость об Усове. На трезвую голову, возможно, все выглядело бы иначе, – на хмельную же Леплевский становился чересчур чувствительным, старые обиды остро оживали в его незаживающей памяти. С нарастающим гневом он думал об Усове. Гляди ты – явился, по существу, на место своего преступления, значит, здешних, тех, кто пострадал от него, ни во что не ставит. Или восстанавливает старые связи с сексотом Косатым? Или там, наверху, наметился новый поворот в большой политике? Как здесь, в деревне, узнаешь?

Всю жизнь Леплевский страдал за старшего брата Сергея, который когда-то первым в их немалой семье выбился в люди и тянул за собой остальных. После школы устроил младшего в учительский институт в Орше, учил и воспитывал. Воспитывал, конечно же, в коммунистическом духе, как и надлежало сознательному педагогу-большевику. Учиться в институте было нелегко, не хватало ни времени, ни учебников. Каждый раз после выхода очередного постановления ЦК партии брат советовал ему основательно проштудировать первоисточники, использовать дополнительную литературу, труды классиков марксизма-ленинизма. И еще приучал выступать на собраниях, проявлять активность, вырабатывать в себе классовую бдительность. Все это непросто давалось младшему Леплевскому, но он старался. В институте стал членом комсомольского бюро, агитатором, сдал нормы на значки ГТО, ГСО, «Ворошиловский стрелок». Раза два его уже вызывали на беседу в органы, похоже, имели что-то в виду. Что-то хорошее, может, решающее в его судьбе. И он ждал.

Все рухнуло однажды в полночь. Едва он прилег, засидевшись за конспектами «Краткого курса ВКП/б/», как в окно постучали. Брата не было дома, за день до того поехал в деревню помочь матери с дровами да и прихватить кой-каких продуктов для двух городских сыновей. Леплевский открыл, в комнатушку ввалилось человек шесть энкавэдэшников, подняли жену брата с грудным ребенком, потребовали хозяина. Леплевский сказал, что старшего брата нет дома. «Где он, отвечай быстро!» – приказал главный чекист с короткими, щеточкой усиками под ноздреватым носом. Леплевский некоторое время колебался, раздумывая, говорить правду или соврать. Но не стал врать, сказал честно, как было: брат в деревне, на днях должен вернуться. В деревне той ночью его и взяли. Но брал уже не тот с усиками, а местный уполномоченный Усов.

Потом много лет (до и после войны) Леплевский жалел, что сказал правду, может, надо было направить их по ложному следу – в Минск или в Витебск, пускай бы искали, теряли время. А самому предупредить брата, пусть сматывается куда-нибудь подальше. Некоторые в то время так и поступали. Но что ждало бы его самого, если б обман раскрылся? И без того несладко, временами он даже завидовал брату: если тот жив, то его хотя бы кормят. А каково прокормиться ему, отчисленному из института, оставшемуся без жилья, без прописки, без работы? Хорошо еще, что после нескольких месяцев скитания по чердакам и садовым будкам у знакомых приняли на железную дорогу путевым рабочим, что дало возможность дотянуть до войны. В войну, как железнодорожника, не мобилизовали, но оказался он в оккупации, едва не умер от тифа в родной деревне. Потом угнали в Германию на рурские шахты. А после войны завербовался в Карело-финскую, строил гидроэлектростанцию, учился заочно и лишь три года назад устроился учителем в районе.

В прошлом году его приняли в партию.

Леплевский встал из-за столика, подошел к изгороди. Солнце уже закатилось за лес, из ольшаника надвигались вечерние сумерки, сильнее запахло картофельной ботвой, потянуло дымком из соседней трубы. Спину в легкой сорочке пробирал озноб. Надо бы сходить в хату да накинуть пиджак, но учитель тянул время в ожидании посланца за добавкой. Дубчик в заношенной серой свитке также терпеливо ждал, подпирая худыми плечами еще тепловатые бревна.

— У тебя из родни кто-нибудь остался? — после долгого молчания спросил Леплевский.

— Никого.

— А сестра старшая? Клавдией, кажется, звали?

— Померла.

— А младшая?

— Тоже померла.

— Где старший сын Кондрусевича? Он же тебе двоюродным приходился?

— Тот в партизанку погиб.

— Так что же ты — один?

— Ну, — тихо подтвердил Дубчик.

Он и впрямь жил бобылем в старой хате, скотины никакой не держал, даже курицы, работал в колхозе по специальности «куда пошлют». Питался тем, что дадут, пил, сколько нальют. Вел себя тихо, неприметно. Если, случалось, где-нибудь перебирал, то там же и засыпал — хоть на лавке в хате, хоть под кустом в поле. Мужики его недолюбливали за неполноценность, а больше за склонность к дармовой выпивке и куреву; бабы, те даже любили — за безотказность. Если которой выпадала нужда в мужской работе — наколоть дров, забраться на крышу к трубе или выкопать могилу для умершего, бежали за Дубчиком. И тот никогда не отказывался. Про оплату не спрашивал, да ему редко и платили, — обычно совали на бутылку или саму бутылку, которую он тут же и выпивал с первым попавшимся собутыльником. Но и сам не упускал случая, если у кого-нибудь назревала выпивка. На нее Дубчик имел особый, почти совершенный нюх, никогда своего не прозевал.

Спустя каких-нибудь полчаса из-за угла появился Иван-Снайпер, за ним неторопливо шел Савченко — он молча вытащил из карманов пиджака две поллитровки, с подчеркнутой важностью поставил их на стол.

— Ого! — вырвалось у Леплевского.

— Вот тебе и ого! — передразнил его Иван. — Дубчик, а ну давай нарви лука. Что у тебя, учитель, хлеба нет?

— Хлеб есть. Наверное…

— Так принеси!

Пока хозяин ходил в хату, искал хлеб и надевал пиджак, Иван-Снайпер и Савченко, не утерпев, налили по стакану и выпили. Дубчик тем временем нарвал на огороде большой пучок лука, и они на пару с хозяином выпили из тех же стаканов. В бутылке оставалось немного.

Выпивать можно было и стоя, но, чтобы покурить и покалякать, надо присесть. На этот раз за столиком примостились Иван и Савченко, хозяин устроился под грушей, а Дубчик скромно примостился возле угла на выступе фундамента. Он не курил и в беседе почти не принимал участия. Если спросят, ответит. Сейчас, правда, его ни о чем не спрашивали. Иван-Снайпер все не мог успокоиться.

— Приехал, подлюга! Думает, тут о нем забыли. Нет, я ему, падле, этого не прощу.

— А что ты ему сделаешь? — равнодушно спросил Леплевский. — Соли на хвост насыплешь?

— Да уж отомщу, собаке.

— Как? В газетку напишешь? — с ехидцей допытывался Леплевский. — Вон один написал, так из партии исключили. За поклеп!

— Нет, я писать не буду! Я убью его! — неожиданно для себя решил Иван-Снайпер. — А что? Чего так смотрите?

— Какой решительный! — покрутил головой Леплевский. — Гляди, чтобы штаны не упали.

— И то правда, — сдержанно вставил Савченко. — Такому отомстить не грех. В Сибири одного вертухая к кедру в тайге привязали. Через месяц нашли скелет. Комары заели.

— Так это в Сибири! — отмахнулся Иван-Снайпер. — А тут где привяжешь? Свои же и отвяжут. Которые сексоты.

— Не все же сексоты, — тихо заметил Леплевский.

— Хватает. И у нас тоже.

Леплевский помедлил, пытаясь понять, на что намекает Снайпер. Учитель всегда был чуток к малейшему намеку такого рода, потому как за намеком могла скрываться опасность либо близкий ее сигнал. То, что когда-то помогло ему в жизни, дало возможность окончить институт и даже вступить в партию, теперь очень просто могло раздавить. Наступило иное время, началась новая политика, и неизвестно еще, как там, наверху, отнесутся к институту сексотов. Могут тайно отблагодарить, а могут и открыто взыскать. Каждый из вариантов порождал неуверенность и беспокойство, тяготил и вызывал тревогу.

Постепенно совсем стемнело. Ночные сумерки окончательно поглотили огород, двор, звездной пеленой накрыли деревья и крыши домов. Все вокруг притихло, затаилось, приготовилось к встрече короткой летней ночи. Только за хатой под грушей слышался прерывистый разговор выпивших людей да мелькали в темени красные огоньки сигарет. Один, изогнувшись крутой дугой, упал в огороде. Так прошло время — час или больше, Иван-Снайпер, матюгнувшись, решил:

— Хватит пить! Выходи строиться!

— Так ведь еще осталось, — напомнил Леплевский.

— Тогда разливай. По последней. Сперва Дубчику…

— Мне, может, хватит, — неуверенно заперечил Дубчик, однако придвинулся поближе к столу.

— Ладно, выпей. Может, в последний раз. И ты, сосед, выпей, — повернулся Иван к Савченко. — Там, брат, сила понадобится.

— От водки сила? — усомнился Савченко.

— А думаешь, нет? Выпивший сильнее трезвого. Наукой доказано, читал.

— Да, но нехорошо ночью. Будто бандиты, — сказал Леплевский, которому не очень хотелось встревать в сомнительное дело. Но учитель не мог устоять перед напором Ивана-Снайпера.

— Нам, значит, ночью нельзя? Да? А им можно было? Всегда ночью старались, чтобы свидетелей не было. Я ведь помню, пятнадцатый год шел. Приехали втроем: Усов и с ним еще двое. Косатый за понятого, конечно. Подняли всех в полночь, только уснули. Отец как раз поставки возил на станцию, приехал озябший, усталый, чуни разул, онучи у печи развесил. Вставай, ты арестован. И обыск. Все перевернули, в

кадку с капустой шомполом тыкали – контрреволюцию щупали. Польский шпион! А я, понимаешь, не очень-то испугался, потому что знал: я же не шпион, меня они не возьмут. Почему так думал, дурень безголовый? Они же не только шпионов брали. Вон у вас, Савченко, всех забрали, тебе тоже было не много лет…

– Так это же в тридцать третьем, – рассудительно заметил Савченко. – В ссылку всех брали: и старых, и малых.

– А мне откуда было знать: в ссылку или на расстрел? Сидел с ребятами за печью, чтобы обыску не мешать, а батьку они у порога с поднятыми руками под винтовкой держали. Вижу, этот Усов вытаскивает из сундука мою буденовку с красной звездочкой. Ту, что отец на рождество с ярмарки привез, очень она мне нравилась, та буденовка, с маленькими такими пуговичками тоже со звездочками. Я же сызмальства к военному склонность имел, жалко, из-за увечья до сержанта не дослужил…

– Вот почему гимнастерку полюбил. Третий год не снимаешь, – усмехнулся Леплевский.

– А что – уважаю. Только не о том разговор. Одел однажды эту буденовку в школу, ну, пацаны и налетели: дай да дай померить. Одну пуговицу и оторвали. Отец вечером увидел и отобрал, говорит: сначала ушанку доноси. Обидно было, но, думаю, ладно. Скоро двадцать третье февраля, День Красной Армии, уж тогда выпрошу. Да вот – кукиш, а не День Красной Армии. Усов этот мою буденовку милиционеру отдал: не позволим говорит польскому шпиону красноармейский убор компрометировать. Эта буденовка мне потом два года снилась.

– Потому ты и снайпером стал? – спросил Савченко.

– Нет, снайпером не потому. Снайпером – это по слабости характера. В партизанке глаз осколком выбило, потом немного зажило, а тут немцы блокаду начали. Приказ: всех, в том числе инвалидов, в строй. Как раз снайпера нашего Биклагу убило, винтовка с прицелом осталась. Кому ее отдать? Все отказываются: то не могу, то не умею. Известно, дрейфят, потому что тут отваги побольше надо, чем с обычным ружьем. Вот командир и говорит: «Ивану Ярошевичу, у него один глаз цел, другого нет, прищуриваться не надо. Будет бить немецких захватчиков». Вот я и бил, как снайпер. Двух полицаев шлепнул и одного захватчика. Как теперь помню: утречком на опушке вылез из люка в танке, всматривается в дальний лесок из бинокля. А я в ста метрах от него под кустом лежал. Ну и гвозданул ему под бинокль, так и обвис в люке.

– Герой! – тихо сказал Леплевский.

– А ты думал! Медаль «За отвагу» не каждому давали.

– Ну и командуй. А мы за тобой.

– Лады, хлопцы! Еще по глотку – и завязали. А то… Не знаю, какой он теперь, а тогда здоровый бугай был.

– Не отощал. Такие не тощают, – сказал Савченко.

Они еще выпили – на этот раз молча, уже охваченные новой заботой, которую обрушил на них этот неуемный Снайпер. Потом Леплевский ненадолго отошел к забору и снова вернулся к столу. В другое время они бы уже стали расходиться, все же купальская ночь коротка, новый день нес немало новых забот. Но какая-то сила держала их вместе, как заговорщиков, сообщников по небезопасному делу, которое неведомо еще, чем могло кончиться. И они все сидели за столиком, на котором в темноте едва серела газета и два пустых стакана. Савченко неловко двинул локтем, сбросил кусок хлеба и тут же полез его искать под столом. Долго не мог найти, пока Дубчик не нащупал хлеб на стежке.

– И чтоб все вместе! Чтоб никто не сачканул, – строго предупредил Иван-Снайпер.

– А чем мы его? – простодушно поинтересовался Дубчик.

– А кто чем. Бери кол или камень. Ножа нет?

– Ножа нет, – произнес Леплевский без тени юмора.

– Так притащи! В хате-то нож есть?

– Нет. И в хате нету.

– Ну и хозяйство! Даже ножа нет! А если зарезать кого-нибудь?

Дубчик коротко хохотнул от этой Ивановой остроты, а может, вспомнил, что у него тоже не было ножа. Года четыре тому назад сломался отцовский нож-самоделка, выкованный в местечковой кузнице. С тех пор в своем бобыльском хозяйстве Дубчик обходился топором, правда, тоже старым и заржавленным, с неудобным расшатанным топорищем. Еще его отец, колхозный сторож, все собирался починить топор, да так и не собрался до ареста. Топая морозной зимой около колхозного амбара, старик для бодрости пел частушки – где-то услышанные, а также собственного сочинения, порой бессмысленные, а порой с очень определенным смыслом. Наверно, кто-то его подслушал. Когда арестовывали ночью, этот самый Усов не удержался, даже процитировал одну, которая на всю жизнь врезалась в память подростка-сына: «А в колхозе справно жить, кто на кладбище лежит». Отец в ответ застенчиво улыбался, тронутый вниманием к его творчеству. В ту ночь вряд ли он мог предвидеть, что скоро и сам ляжет на каком-то кладбище, умрут маленькие три его девочки, раньше времени состарится сын, а топор-инвалид с расшатанным топорищем по-прежнему будет служить человеку.

– Я, это, за топором сбегаю, – предложил Дубчик.

– Давай. Только быстро. А, едри его лапоть, кажись, светает?

– Однако светает, – согласился Савченко. – А у меня в Кутах еще пайка не скошена.

– Скосишь, успеешь. Ат, давай разливай, допьем, и хватит, – неожиданно решил Иван. – Оставлять – совесть не позволяет.

– Не позволяет. Совесть – она тонкая вещь, – с готовностью присоединился Леплевский и, звякая рыльцем бутылки о пустой стакан, принялся разливать водку.

– Мне хватит, – остановил Савченко.

– Хватит так хватит…

– Нам больше достанется. Правда, учитель? – подхватил Снайпер.

– Я уже пас!

– Что так? Али брата не жалко? Я же твоего Сергея помню – вот как вчера видел. Грамотный мужик был.

– Да, грамотный.

– И очень партейный. Тоже в колхозы загонял, – поддел Савченко.

– Что ж, такая политика была.

– Ну и его загнали. Чтобы не обидно было, – снова с намеком произнес Савченко.

– Кому не обидно? – удивился Леплевский.

Все же они здорово выпили, и мысли у них путались, путались и слова, что не в лад с мыслями слетали с языка.

– А всем – и коммунистам, и беспартийным, – туманно пояснил Савченко.

– Мой брат был честный большевик, – разозлился Леплевский. – Это его энкавэдэшники сгубили.

– Он тут двенадцать человек сгубил, – уточнил Иван-Снайпер, имея в виду Усова. – И еще хватает нахальства приезжать сюда. Или не знает, что всех реабилитировали?

— А может, считает, что реабилитировали неправильно. Потому если правильно, то это брак в их работе, — предположил Савченко.

— Мы ему покажем брак! Я ему самолично череп раскрою! — разошелся Иван-Снайпер и вскочил из-за стола. Но тут же упал, запутавшись в траве, с усилием поднялся на ноги. В это время в сумерках показался Дубчик с топором в руках, который у него сразу выхватил Снайпер.

— Вот этим топором голову снесу!

Наглядно демонстрируя остальным, как он это сделает, Иван широко размахнулся, и топор, слетев с топорища, тупо шлепнулся где-то в огороде.

— Что это? Что ты мне принес, паскуда? А ну ищи!

Дубчик молча перелез изгородь и стал шарить в грядках, но найти ничего не мог. Тогда Иван-Снайпер решительным рывком выломал из ограды кол, отбросил прочь остатки ссохшихся лозовых перевязей.

— Пошли!

Он был на хорошем подпитии, но, пожалуй, не чувствовал этого. Остальные, видно более трезвые, уже начинали понимать серьезность происходящего и не сразу поспешили за самозваным командиром. Хотя и не удерживали его. Первым проявил готовность следовать за Иваном Дубчик, потом из-за стола с заметным усилием поднялся Савченко. Леплевский пытался что-то нащупать на газете, да оставил это занятие и тоже подался следом за всеми.

— Вперед, народные мстители! — крикнул Иван-Снайпер.

Они вышли на пустую утреннюю улицу. Деревня еще спала, солнце не взошло, но вокруг было уже хорошо видно. Недалеко в хлеву прокукарекал петух, перебежала улицу чья-то серая кошка, возвращаясь с ночной охоты. Свернув в свой двор, Савченко прихватил заточенную с вечера косу — пригодится. За канавой под изгородью паслась пегая коза Баранихи. Проводив мужиков недоуменным взглядом, она продолжала свое привычное дело. Бобылки Баранихи поблизости не видно было, зато в своем дворе Иван сразу заметил жену. Как обычно, когда хозяин где-нибудь загуливал, она не ложилась спать и терпеливо дожидалась его в воротцах.

— Куда это вы?

Иван сделал вид, что не замечает жены, и с колом на плече прошагал мимо.

— Авдей, Дубчик, куда это вы?

— Чекиста убивать, — не сразу ответил Дубчик.

— О боже, вы что, сдурели?

Женщина выбежала на улицу и запричитала в предчувствии скорой беды.

— Остановитесь, не трогайте его! Себя погубите, не ходите туда!

— Тихо, тетка! — прикрикнул на нее Леплевский.

Тетка осталась позади, больше никто их не останавливал, и мужики не слишком решительно двинулись к усадьбе Косатого.

Ими руководила застарелая обида, давно дремавшая жажда мести. Неожиданно они получили возможность сквитаться. Четкого расчета, плана у них не было. Всех подчиняла безоглядная решимость Ивана-Снайпера, и они следовали за ним.

Правда, на улице Леплевский держался несколько поодаль от Ивана, его решимости вроде поубавилось. Хотя был не менее других пьян, но не мог не чувствовать опасности замысла и легко предсказуемых последствий. «Наверно, надо остановить Снайпера», — думал он, но все не мог улучить для этого момента и шел вместе со всеми следом за Дубчиком. Дубчик же, может, впервые в жизни ощутил силу своей

правоты и готов был ради нее на все. Особенно если вместе с хлопцами да во главе с отважным заводилой Иваном-Снайпером.

Так они приволоклись в конец деревни. Далее лежал пустой выгон, а к усадьбе Косатого вел кое-как огороженный тыном переулочек. Пройти по этому переулку мужики почему-то не решились.

— А если он из нагана через окно, — опасливо сказал Леплевский.

Все на минуту смолкли, прислушиваясь, однако ни во дворе, ни в хате ничего не было слышно. После вечернего застолья, наверное, в доме еще спали.

— Я же говорил: надо было ночью, — сказал Иван-Снайпер.

— Подождем, когда выйдет! В девять автобус, — уточнил Савченко.

Иван согласился.

— Правильно! Подождем. Будто в засаде на шоссе.

Они перешли на другую сторону пыльной дороги и остановились возле канавы. Недолгая прогулка после бессонной ночи, похоже, утомила их, и Дубчик, перейдя канаву, сел на скосе. Следом на чахлую загаженную курами траву опустился Иван-Снайпер и остальные. Иван не выпускал из рук свое оружие — кол.

— Я ему как врежу! — грозился он. — А вы не зевайте. Упадет, сразу наваливайтесь и душите. Главное, чтоб вместе. Мы ему покажем репрессию… А закурить? Есть у кого закурить?
Все, однако, молчали, похоже, курева ни у кого не было. С досады Иван-Снайпер выругался и притих. Очевидно, следовало потерпеть, сделать дело, а потом уже думать о куреве или о чем-либо еще.
Из-за соломенных и шиферных крыш выглянуло наконец низкое слепящее солнце. Савченко глубже насунул на глаза кепку. Его обычно задавленные жизнью чувства готовы были вырваться наружу, хотя он и сдерживал их. Понимал, если бы удалось осуществить задуманное, то, на что они отважились, пришло бы облегчение. Только вот этот Снайпер… Савченко стал сомневаться в способностях самозваного командира и все больше поглядывал не на двор Косатого, а на стежку в поле. Там, сразу приметил, с косой на плече показалась Бараниха. На огороде женщина стала, постояла, недоуменно вглядываясь из-под руки в их группку. Она шла косить пайку, тем самым напомнив Савченко и о его надобности.

— Ну где он там? Мне тоже косить надо…

— Да подожди ты! В Сибири не накосился? — грубо оборвал его Иван-Снайпер. — Убьем, тогда и скосишь.

Они еще посидели немного, напряженно всматриваясь в ненавистную усадьбу, которая продолжала мирно спать.

Тем временем начинался день, и его дневные заботы все больше занимали людей. На соседних подворьях замелькали женские платки — хозяйки принимались за утреннюю дойку, выглядывали на улицу в ожидании, когда станут выгонять скот. Старательно ощипывая на канаве траву, к мужикам помалу приближалась коза Баранихи. За ней на улице появились три мальчугана, — усевшись поодаль под изгородью, молча поглядывали на мужиков.

— Ну что он так долго?! — забеспокоился и Леплевский. — Может, на день решил остаться?

— А может, он огородами? Струсил — по улице, — рассуждал Савченко.

— Догоним! И ноги поломаем.

— Ну-ну.

Еще посидели немного. Наконец Савченко решительно поднялся:

— Да ну его в дупу! Пойду косить…

— Сдрейфил? — зло сощурил единственный глаз Иван-Снайпер. — В штаны наложил?

Вместо ответа Савченко вскинул на плечо косу и пошагал краем улицы. Оставшиеся заметно приуныли, почти без надежды поглядывая на огороженную усадьбу Косатого. Солнце тем временем поднялось над деревней, пригревало остывшую за ночь землю. Иван-Снайпер вытянул длинные ноги в серых, высохших от ночной росы резиновых сапогах и устало откинулся на локоть. Немного полежав, вспомнил:

— Леплевский, а там не осталось?

Леплевский лениво повернул в его сторону лысоватую голову.

— Откуда…

— Ты не темни. Должно остаться. В бутылке. Дубчик, а ну сбегай. Голова раскалывается.

Дубчик послушно встал и молча побрел улицей в другой конец деревни, где что-то должно было остаться. Иван-Снайпер немного посидел, борясь с дремотой. Его голова стала клониться на грудь, и наконец он расслабленно опустился спиной на траву.

— Так что теперь мы — вдвоем? — вопросительно произнес Леплевский.

Иван-Снайпер не ответил. Ковыряя травинкой в зубах, Леплевский поглядел на него и понял: их заводила спал.

— Ну вот — дождались!
Он, однако, продолжал наблюдение за двором напротив, но там ничего пока не менялось. Коза между тем приблизилась к ним и, недоуменно подняв голову, уставилась на двух мужиков, которые нежданно оказались на ее привычном пути. Леплевский замахал рукой: «Пошла прочь!», но коза и не думала уходить. Мальчуганы засмеялись, наверно хотели посмотреть, как учитель станет отгонять бодливую козу. Он хотел встать и шугануть ее, но вдруг во дворе напротив увидел людей. Ну, конечно, тот, что в ватнике, сгорбленный и белоголовый, — главный деревенский сексот Косатый, рядом его баба, а спиной к улице стоял рослый плечистый мужчина в черном пиджаке, с портфелем в руках. Они прощались. Обменявшись рукопожатием с хозяином, гость легким движением руки коснулся шляпы на голове и, не оглядываясь, пошел к улице.

— Иван! Иван! — Леплевский толкнул в бок товарища. — Идет! Он идет!

Иван-Снайпер лишь пробормотал что-то и вытянул ноги. С досады Леплевский выругался, не зная, что делать. Усов уже заметил их за дорогой, и Леплевскому показалось: сейчас повернет обратно — может, на огороды…
Однако Усов не повернул на огороды, только замедлил шаг, выходя из переулка, и тотчас уверенно направился через дорогу. Несомненно, к ним. От неожиданности Леплевский медленно поднялся на ноги, попытался застегнуть пиджак, но почему-то не мог нащупать верхнюю пуговицу. Не мог оторвать взгляда от внушительной фигуры Усова, его твердого, решительного лица, коротенького галстука на груди и — особенно — от пестрых рядов его многочисленных наград на левой стороне груди. «Как у маршала», — мелькнула нелепая мысль в разворошенном сознании учителя.

— Здравствуй, учитель! — бодро поздоровался Усов. — На косьбу собрался?

— Да нет, знаете, — невнятно выдавил из себя Леплевский.

— А это кто? — кивнул Усов на распластанную фигуру Ивана-Снайпера.

— Да так. Сосед…

— Ну, а как жизнь?

— Ничего вроде.

Усов смотрел ему прямо в лицо, и в этом взгляде не было ни враждебности, ни настороженности, одна спокойная уверенность безгрешного праведника. Растерянный

Леплевский никак не мог найти верный тон и не знал, как вести себя. Иван-Снайпер спал, словно убитый, а что мог он один? Да и вообще стоило ли что-нибудь делать? Спокойная уверенность гостя обезоруживала, и Леплевский про себя посмеялся над своей недавней решимостью. А они еще беспокоились, как бы Усов не убежал огородами. Зачем ему куда-то бежать?

— Я в курсе, — сказал Усов, сверля его испытующим взглядом. — Всех реабилитировали, выплатили деньги…

— Спасибо, — неожиданно выдавил из себя Леплевский.

— Главное теперь — не озлобиться. Работать, работать надо! Для страны, для народа, для партии.

— Конечно же, партия…

— Правильно! Партия всегда права! Человек может ошибиться, партия — никогда. Ну, учитель, желаю успеха.
Он протянул Леплевскому руку, и тот с облегчением слабо пожал ее. Пока он спокойно удалялся по улице, обходя засохшие и свежие коровьи лепехи, Леплевский не сводил взгляда с его крутоплечей фигуры. С запоздалой злостью пнул ногой распластанного Ивана-Снайпера, возле которого в канаве валялся сухой кол с обломанным концом.
Потом тихо выругался и потащился домой.

Спасибо, что скачали книгу в бесплатной электронной библиотеке
http://bykovvasil.ru/ Приятного чтения!
http://buckshee.petimer.ru/ Форум Бакши buckshee. Спорт, авто, финансы, недвижимость. Здоровый образ жизни.
http://petimer.ru/ Интернет магазин, сайт Интернет магазин одежды Интернет магазин обуви Интернет магазин
http://worksites.ru/ Разработка интернет магазинов. Создание корпоративных сайтов. Интеграция, Хостинг.
http://filosoff.org/ Философия, философы мира, философские течения. Биография
http://dostoevskiyfyodor.ru/
сайт http://petimer.com/ Приятного чтения!